

РЕЦЕНЗИИ

**БАХТИН М. М. СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ: В 6 т.
М.: РУССКИЕ СЛОВАРИ; ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР, 1996–2012**

Издание собрания сочинений Михаила Михайловича Бахтина [1] вне всякого сомнения представляет собой знаковое событие. То, что Михаил Михайлович Бахтин принадлежит к числу крупнейших мыслителей XX столетия, сыгравших важнейшую роль в развитии мировой гуманитарной мысли второй половины XX – начала XXI века, уже аксиома. Десятки книг и сотни статей, ему посвященных, список самых громких имен филологов, философов и культурологов – С.И. Гессен, Н.С. Трубецкой, о. Г. Флоровский, Д.И. Чижевский, Р.О. Якобсон, У. Бут, Ю. Кристева, Ц. Тодоров, Х.-Р. Яусс и др., с конца 1920-х писавших и оценивавших бахтинские идеи и его вклад в расширение границ интеллектуального сознания, наглядное тому свидетельство (подробнее см.: [2; 3]). Отметим, что это происходило несмотря на то, что до середины 1990-х гг. процесс рецепции бахтинских идей протекал в довольно ограниченном пространстве доступных читателю текстов, насчитывавших всего четыре книги, две из которых были изданы посмертно (см.: [4; 5; 6; 7]).

Само по себе освоение наследия мыслителя – отдельная и чрезвычайно увлекательная страница интеллектуальной истории XX столетия, отразившая, как в зеркале, многочисленные научные конфликты, повороты и даже революции гуманитарного сознания (см., в частности: [8]).

Как уже отмечалось в появившихся откликах [9; 10; 11], впервые за последние полвека научное наследие выдающегося отечественного филолога представлено в таком объеме и качестве. Идеологи и участники этого масштабного проекта, конечно же, учитывали уже сформировавшуюся традицию представления читателю трудов В.В. Виноградова, М.П. Алексеева, В.М. Жирмунского, Н.И. Конрада и др., однако подготовка собрания сочинений такого уровня потребовала не просто огромной текстологической, редакторской, комментаторской и исследовательской работы, но прежде всего выработки принципов научного издания, которые, собственно, и легли в основание реализованного проекта. Принципы эти были кратко и емко сформулированы в редакторском предисловии к первому из появившихся томов: “<...> собрание сочинений М.М. Бахтина должно быть научным. Это означает, во-первых, иное качество подготовки текстов: все тексты,

как публикуемые впервые, так и уже печатавшиеся ранее, готовятся заново по сохранившимся в архиве автора рукописям <...>; таким образом, читатель должен во всех случаях получить новые тексты Бахтина, в том числе и уже известных работ. Во-вторых, в собрании предпринимается обширная публикация рукописных материалов, в том числе сопровождавших работу автора над известными трудами <...>. И, наконец, в-третьих, все тексты обстоятельно комментируются, и комментарий этот имеет исследовательский характер. По замыслу авторского коллектива, работающего над собранием, последовательный текстологический и исследовательский комментарий ко всем публикуемым работам должен сложиться в целостную картину бахтинских идей.

В общем плане настоящего собрания сочинений сочетаются хронологический и проблемный принципы” [1, т. 5, с. 5–6].

Добавим, что собрание сочинений М.М. Бахтина, издание которого осуществлялось с 1996 по 2012 г., само с неизбежностью стало частью истории отечественной гуманитаристики эпохи “перелома” и самой своей судьбой отразило совокупность кризисов и противоречий, характерных не только для научной жизни этого периода, но и для его научно-организационной и редакционно-издательской повседневности. Так, одна из особенностей рецензируемого издания заключается в том, что оно во многом делалось, что называется, “с колес”. В конечном итоге это признают и сами редакторы, в предисловии к завершающему тому использующие эlegantную формулировку, которая довольно точно отражает “произвольность” в очередности издания томов собрания: “Порядок издания Собрания был достаточно прихотливым” [1, т. 3, с. 4]. В условиях работы с большим объемом архивного материала, колоссальной сложности бахтинских текстов (и содержательной, и текстологической), уровня и состояния современной гуманитарной науки, которой многие из обозначенных в текстах и подтекстах М.М. Бахтина проблемы приходилось переосмысливать, а то и открывать заново, по-другому, очевидно, быть и не могло. Если добавить к этому скудость бюджетного финансирования (подготовка и издание собрания сочинений обеспечивались во многом благодаря грантам РФФИ и ряда зарубежных ор-

ганизаций), постепенное исчезновение культуры научных изданий (издательской и полиграфической) и иные сложности 1990–2000-х гг., само издание собрания сочинений представляется огромным человеческим и научным подвигом тех, кто в нем участвовал¹.

По охвату публикуемого материала (от “классических” текстов до набросков, конспектов и черновиков), по глубине комментария, даже по объему (изначально планировалась публикация семи томов) издание совершенно определенно не имеет аналогов в российской и западной гуманитаристике. Уже на подготовительном этапе членами группы была проделана титаническая работа: только тот, кому хоть раз приходилось видеть рукописи М.М. Бахтина, заполненные по преимуществу простым карандашом, и расшифровывать его не слишком разборчивый почерк, может понять, насколько тяжел был этот труд. Достаточно прочесть описание одной из публикуемых работ, чтобы понять, какие усилия требовались от “дешифровщиков”: “Комментируемый текст, как и вся тетрадь, записан мягким простым карандашом, мелким, не всегда разборчивым почерком, очертания букв из-за рыхлой фактуры бумаги не четки” [1, т. 5, с. 457]. Уже то, что большая часть хранившихся в архиве текстов М.М. Бахтина была возвращена из небытия, представлена читателю и исследователю и введена в активный научный оборот, полностью оправдывает многолетнюю, чрезвычайно интенсивную и напряженную работу и во многом объясняет те “паузы”, с которыми выходили в свет отдельные тома.

Проблемно-хронологический подход, избранный идеологами собрания, оказался вполне правомерен: каждый том являет некий условный образ Бахтина-ученого в конкретный период научного творчества, позволяет определить “магистральные сюжеты” (Л.Е. Пинский) всего многообразия его научных интересов. Но мы не случайно говорим об “условности” образа, поскольку заявляемая проблематизация конкретного тома несет в себе и определенный риск, ибо возникает закономерный вопрос: не остаются ли в результате за рамками книги какие-то тексты, создававшиеся именно в этот конкретный период?²

¹ С.Г. Бочаров, Л.А. Гогтишвили, Л.В. Дерюгина, Л.С. Мелихова, В.Л. Махлин, Н.А. Паньков, И.Л. Попова, Г.И. Теплова и др.

² К сожалению, заключительный – третий – том как раз и продемонстрировал оборотную сторону этого подхода, в результате чего за пределами собрания сочинений осталась единственная публикация М.М. Бахтина 1930-х гг. – статья “Опыт изучения спроса колхозников” [12], в то время как фрагмент «Дополнения и изменения к “Рабле”» оказался опубликован дважды [1, т. 5, с. 80–129; 1, т. 4 (1), с. 681–732].

Следует отметить, что все тома собрания примерно равноценны: каждый из них – это глава научной биографии М.М. Бахтина, наполненная конкретными текстами и сопровождаемая не только комментарием, но и историко-биографическими очерками, эти комментарии предваряющими. Написаны они, естественно, с разной степенью полноты. Скажем, во втором томе С.Г. Бочаровым блистательно представлен развернутый очерк жизни и творчества М.М. Бахтина конца 1920-х гг., в момент подготовки издания первого варианта книги о Достоевском [1, т. 2, с. 428–517], а в четвертом томе еще более трудоемкая работа проделана И.Л. Поповой, включившей в научный аппарат публикации рукописи о Рабле и выполненной на его основе монографии, огромный пласт материалов (от историко-биографического очерка до документов защиты и обширных фрагментов переписки)³. Добавим, что особую убедительность и точность комментарий к текстам М.М. Бахтина придали философско-лингвистическая эрудиция Л.А. Гогтишвили, тонкие филологические интуиции и глубокое знание историко-культурного контекста Н.И. Николаева и В. Ляпунова, широта историко-философских познаний В.Л. Махлина, результатом чего стали их практически безупречные примечания к, пожалуй, самым сложным в содержательном плане первому и третьему томам.

О значимости комментария, основанного, в том числе, на неизвестных материалах бахтинского архива, можно говорить бесконечно. Рассыпанные в этой части томов фрагменты “неизвестного Бахтина” приобретают ценность, вполне порой сопоставимую с тем, что публикуется в основной части. Достаточно привести цитату из рабочей тетради 1938 г. в комментарии И.Л. Поповой: “Мы слишком много протягиваем нитей от Раблэ во все стороны, слишком далеко уходим от него в глубину прошлого и будущего (будущего относительно Раблэ), позволяем себе слишком далекие и внешние сопоставления, сравнения, аналогии, слишком ослабляем узду научного метода. Можно усмотреть в этом неуместное увлечение раблэзианским духом, необузданностью его сопоставлений, аналогий (часто по внешнему звуковому сходству слов), его *soq-à-l'âne*. Это, однако, не ситуация Раблэ (в некоторой степени допустимая в книге о нем). Определение нашего метода. Мы собираем все прослеженные вперед и назад опыты в один раблэзианский узел”

³ Если усилия С.Г. Бочарова нашли свое отражение в ряде примечательных статей (напр.: [13]), то закономерным итогом разысканий И.Л. Поповой стала публикация монографии [14], получившей высокую оценку [15; 16].

[1, т. 4 (1), с. 890]. Этот фрагмент – свидетельство поразительной способности М.М. Бахтина наполнять особым научным и философским смыслом любое свое высказывание, показатель высочайшей степени научной рефлексии. Таким образом, перед читателем встает реальная необходимость прочитывать каждый том М.М. Бахтина “до последней строчки”.

Примечательной особенностью рецензируемого издания представляется и органичное соединения в нем бахтинских текстов “различного калибра” в единое целое, в пределах которого почти равную ценность приобретают монография, завершенная статья, фрагмент или набросок, конспект чужой книги и даже указатель содержания отдельной тетради с записями.

С появлением каждого нового тома происходило не просто расширение устоявшихся представлений о масштабах творчества ученого. Приобретая заверченный вид, собрание сочинений превращалось из совокупности отдельных томов в единый организм. Именно сейчас, располагая всеми шестью томами, читатель имеет возможность восстановить живое движение бахтинской мысли с момента ее зарождения на рубеже 1910–1920-х гг. до середины 1970-х. Эволюция научной мысли М.М. Бахтина выстраивается так, что каждый том становится ее этапом. Первый том, включающий философско-эстетические работы конца 1910-х–середины 1920-х гг., закономерно открывается небольшой статьей “Искусство и ответственность”, позволяющей читателю ощутить атмосферу послереволюционных лет, в которой начинает звучать голос молодого невеликого преподавателя. Здесь же представлен Бахтин-философ и эстетик так называемого “невелико-витебского периода”, когда он пытается переформулировать постулаты современного неокантианства применительно к разрабатываемой им “философии ответственности” (М. Холквист) в дошедшем до нас фрагментами трактате, известном под названием “К философии поступка”, и стремится разработать новую эстетику словесного творчества в масштабной работе “Автор и герой в эстетической деятельности”. Ленинградское продолжение философско-эстетических поисков М.М. Бахтина представлено статьей “Проблема формы, содержания и материала в словесном художественном творчестве”. Благодаря архивным разысканиям составителей было доказано, что данная статья, предназначенная для журнала “Русский современник”, оказывается частью задуманной автором работы “К вопросам методологии эстетики словесного творчества”. Дополняют материалы тома записи

лекций М.М. Бахтина, сделанные Л.В. Пумпянским, и его выступлений на обсуждениях ряда докладов.

Если первый том может служить показательным примером того, как участники проекта работали с дошедшим исключительно фрагментарно наследием раннего Бахтина, то при подготовке второго тома перед ними стояли иные задачи. Было необходимо представить книгу “Проблемы творчества Достоевского” в контексте научных интересов М.М. Бахтина второй половины 1920-х на фоне исторических реалий новой эпохи. Составители дополнили текст “Проблем” статьями Бахтина о Толстом и записями его лекций по русской литературе, выполненными Р.М. Миркиной, а также описанием конспектов, предназначенных для использования в книге “Проблемы творчества Достоевского”. Обращают на себя внимание бахтинские выписки из М. Шелера и Л. Шпитцера, переведенные на русский язык В. Махлиным и Б. Пулом, публикация которых расширяет представление читателей и исследователей об особенностях бахтинской научной “лаборатории”. На страницах тома проявляется философ, постепенно превращающийся в литературоведа, активно переходящий на новый научный язык, и если в книге о Достоевском еще прочитываются отдельные фрагменты Бахтина – религиозного философа, для которого язык социологической поэтики вовсе не является единственно возможным, то в статьях о Толстом перед нами автор, владеющий языком, понятным не только редакторам собрания сочинений Толстого К.И. Халабаеву и Б.М. Эйхенбауму, но советскому массовому читателю. Пожалуй, впервые мы сталкиваемся здесь с феноменом “советского Бахтина”, свидетельствующим о том, что, рассуждая о множественности голосов эпохи в начале следующего десятилетия, Бахтин опирался и на свой собственный опыт.

Поразительную способность М.М. Бахтина говорить о самом сложном с простотой и ясностью демонстрируют записи его лекций по русской литературе, в которых наряду с развернутыми характеристиками русской литературной классики (от “Слова о полку Игореве” и Карамзина до Ф.М. Достоевского и Н.С. Лескова) даны интереснейшие характеристики писателей-современников (Андрей Белый, В.В. Маяковский, “Серапионовы братья”, К.А. Федин и др.).

Третий и первая часть четвертого тома включают материалы прежде всего 1930-х гг. – работы о романе и рукопись книги о Рабле. Это, пожалуй, самый плодотворный период в научной

жизни М.М. Бахтина, загадка которого до конца не раскрыта ни его биографами, ни многочисленными исследователями научного творчества. Свою поразительную научную активность и работоспособность М.М. Бахтин демонстрирует в десятилетие, на которое приходится пятилетняя ссылка в Казахстан, появление в Саранске и спешное возвращение в Кустанай, жизнь в Савелово, позволяющая наездами бывать в Москве, безуспешность попыток устроиться на работу в столице или поблизости от нее, обострение преследующей с детства болезни и ампутация ноги. И несмотря на все тяготы, невзгоды и лишения, появляются равная по объему небольшой монографии работа “Слово в романе”, книга “Роман воспитания и его значение в истории реализма”, огромная рукопись, посвященная творчеству Рабле.

Составители не совсем точно обозначили третий том как “теорию романа”, поскольку его материалы сочетают в себе теоретический и исторический аспекты, что закономерно для М.М. Бахтина, в этот период переходящего от социологической к исторической поэтике, плодотворно развивая известные идеи А.Н. Веселовского и немецкой романной теории (см.: [17, с. 71–93; 18, с. 42–111]). Об этом ясно говорит и названия одного из архивных набросков, публикуемых в этом томе, – “Проблемы теории и истории романа” [1, т. 3, с. 655–660].

Судьба оказалась благосклонной к этой части бахтинского архива, благодаря чему хорошо известные работы “Слово в романе”, “Формы времени и хронотопа в романе”, “Из предистории романного слова”, “Роман, как литературный жанр”⁴ и фрагменты книги “Роман воспитания и его значение в истории реализма” (все эти тексты представлены в уточненном и исправленном виде) сопровождаются солидным пластом сопутствующих материалов. Прежде всего следует назвать открывающий книгу проспект монографии “Стистика романа”, подготовленный М.М. Бахтиным за несколько дней до отъезда в ссылку, наброски к “Эмотивному и семейно-биографическому роману”, “К вопросам теории романа”. В соответствии со сложившейся традицией том дополнен конспектом книги Г. Миша “История автобиографии”, фрагментами переписки М.М. Бахтина с И.И. Канаевым и В.В. Кожинным.

⁴ Как указывают комментаторы, первая публикация данного текста «была предпринята В.В. Кожинным в виде статьи в ВЛ (1979, № 1, с. 95–122) под предложенным инициатором публикации неавторским, но тогда же санкционированным автором, названием: “Эпос и роман (О методологии исследования романа)”» [1, т. 3, с. 827].

Конец 1930-х гг. был ознаменован поворотом от “фольклорных основ раблезианского хронотопа”, описанных М.М. Бахтиным в “Формах времени и хронотопа в романе”, к новаторскому исследованию творчества Рабле в контексте народной смеховой культуры, результатом которого стала восьмисотстраничная рукопись “Франсуа Рабле в истории реализма”. Уже сама возможность ознакомиться с недоступным многим поколениям исследователей текстом книги–диссертации М.М. Бахтина полностью оправдывает затраченные составителями и комментатором усилия. При этом И.Л. Поповой принадлежит и остроумное по компактности решение разместить бахтинскую правку 1949–1950 гг. так, чтобы она наглядно демонстрировала все внесенные автором по требованию ВАК коррективы – от смены названия (на “Творчество Рабле и проблема народной культуры средневековья и Ренессанса”) до отказа от части терминологии в пользу ее более нейтральных модификаций (к примеру, замена “готического реализма” на “гротескный”). Свидетельством многолетней работы М.М. Бахтина становится публикация в первой книге подготовительных материалов и конспектов, а также приложений, сущность которых можно определить как историю рукописи о Рабле в письмах и документах.

Републикация монографии “Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса” во второй книге четвертого тома кажется событием менее значимым, однако и здесь редактор находит возможность дополнить ее необходимым контекстом, в частности, статьей “Рабле и Гоголь (Искусство слова и народная смеховая культура)”, выросшей из не вошедшего в книгу фрагмента диссертации, и документальной историей издания самой монографии (с публикацией части переписки сотрудников издательства и других участников этой коллизии с М.М. Бахтиным).

Следует заметить, что объединение в одном томе рукописи 1940 г. и книги 1965 г., с одной стороны, оправданно, но в определенной степени нарушает логику того самого проблемно-хронологического подхода, который заявлялся редакторами собрания сочинений. Можно предположить, что разделение четвертого тома на два – четвертый и седьмой – было бы более логичным, а перемещение монографии 1965 г. на ее “историческое” место, то есть за вторым изданием книги о Достоевском 1965 г., не только восстановило бы последовательность появления этих работ в 1960-е, но и дало бы возможность представить

собрание сочинений в изначально заявленных семи томах⁵.

В пятом томе публикуются работы, по определению комментаторов, “самого глухого периода” – 1940–начала 1960-х гг. [1, т. 5, с. 379]. Московско-савеловские и саранские наброски и подготовительные материалы свидетельствуют о том, что М.М. Бахтин активно переосмысливает, как бы перечитывает заново свои темы и сюжеты и сосредоточенно ищет новые. Здесь и почти состоявшаяся публикация – сохранившийся не полностью текст статьи “Сатира” для невышедшего тома “Литературной энциклопедии”, и материалы, судя по глубокому религиозно-философскому содержанию, предназначенные исключительно для “внутренней” работы: “К философским основам гуманитарных наук”, “<Риторика, в меру своей лживости...>”, “Человек у зеркала”, “<К вопросам самосознания и самооценки...>” и др. В целом можно согласиться с мнением составителей об их “лабораторном” характере [1, т. 5, с. 379], однако здесь не просто лаборатория Бахтина. Напряженная мысль ученого на ограниченном пространстве текста, иногда буквально на одной-двух страничках, создает новый проблемный узел или меняет приоритеты и акценты вопросов прошлых десятилетий (“Многоязычие, как предпосылка развития романного слова”, “Проблема сентиментализма”, “К вопросам теории романа. К вопросам теории смеха. <О Маяковском>”). Отдельного разговора заслуживают материалы, связанные с “Проблемой речевых жанров”, которая позволяет увидеть, каким путем через этап тщательной работы с новейшей лингвистической литературой, актуализацию и переосмысление собственных взглядов конца 1920-х гг. М.М. Бахтин выходит на одну из ключевых проблем современной лингвистики. Несколько особняком стоит публикация М.М. Бахтина 1954 г. – рецензия на спектакль “Мария Тюдор” в Мордовском драматическом театре. С.Г. Бочаров, констатируя “дежурный” характер бахтинского отзыва, приводит обширные выдержки из архивных “записей, представляющих собой комментарий к драме Гюго и ее романтической поэтике” [1, т. 5, с. 611], тем самым подтверждая серьезность и тщательность работы М.М. Бахтина над любым из своих текстов. Видимо, в связи с тем, что пятый том вышел первым, в него оказалось включено немалое количество материалов, которые, вероятно, следовало бы поместить в других томах: это, в частности,

касается и уже упоминавшихся “Дополнений и изменений к Рабле”, и тетради, публикуемой под заголовком “Достоевский. 1961 г.”, по характеристике комментатора, плана-проспекта переработанного издания книги о Достоевском.

Этот текст о Достоевском, впрочем, можно рассматривать как своего рода мост, соединяющий пятый том с заключительным шестым, который включает работы 1960–1970-х гг. и прежде всего “Проблемы поэтики Достоевского”.

Материалы тома наглядно показывают ход переработки книги благодаря включенным в него беловым и черновым вариантам многочисленных дополнений к главам. Здесь же расположены рабочие тетради 1960–начала 1970-х гг., небольшой текст “О спиритуалах” – известная рецензия М.М. Бахтина на книгу Л.Е. Пинского, тексты ответов на вопросы журнала “Новый мир” и польского журналиста Збигнева Погужеца. Также в том включена документированная история переиздания книги о Достоевском, четко обозначены те коррективы, которые М.М. Бахтин внес по требованию Е.Ф. Книпович, бдительно опознавшей в представленной рукописи терминологию немецкого неокантианства 1910-х гг. Материалы шестого тома передают удивительное ощущение живой энергии мысли, сохраняющейся у М.М. Бахтина до конца его дней.

В то же время завершение издания собрания сочинений М.М. Бахтина так и оставило без ответа целый ряд вопросов, один из которых прозвучал буквально через несколько месяцев после смерти ученого. Ю.М. Лотман в письме Б.А. Успенскому настойчиво подчеркивал необходимость публикации описи бахтинского наследия: «Подробно и точно описать все рукописи. Опись опубликовать (у нас или в “Russian Literature”)» [19, с. 559]. Составители собрания сочинений почему-то не сочли нужным дать подробное описание состава бахтинского архива, что породило немало слухов и версий среди исследователей сразу после выхода пятого тома [20; 21]. Отсюда вытекает и другая проблема: неопределенность критериев, по которым отбирался материал для публикации, поскольку напечатаны далеко не все рабочие тетради (что становится ясным из комментария) и конспекты. Среди ненапечатанных оказались, к примеру, два конспекта книги О.М. Фрейденберг “Поэтика сюжета и жанра” и конспект работы о романе В. Рема, который сохранился в архиве М.В. Юдиной в РГБ вместе, добавим, с несколькими рабочими тетрадями М.М. Бахтина к рукописи о Рабле (см. [22]). Несомненно, обилие приложений к ряду томов составляет сильную

⁵ Таким образом был бы “компенсирован” представляющий себя обоснованным в сегодняшних условиях отказ от публикации в составе собрания сочинений М.М. Бахтина тома работ его “круга”.

сторону издания, но как объяснить, что в собрание сочинений хотя бы в качестве одного из приложений не вошли тексты бесед М.М. Бахтина с В.Д. Дувакиным, представляющие собой один из интереснейших документов бахтинского “словесного творчества”, никак не менее важных, чем материалы защиты или фрагменты переписки, которым место в собрании все же нашлось. Не стали составители объяснять и причины отказа от публикации в качестве седьмого тома работ “круга Бахтина”, впрочем, как и само решение об их публикации в составе собрания сочинений (см.: [1, т. 5, с. 6]). Речь идет о моментах концептуальных: очевидно, у участников проекта был иной взгляд на приоритетность публикуемых материалов, а предполагавшийся объем шеститомника ограничивал их возможности. Но при этом остается неясным, почему оказался без предметного указателя четвертый том и отчего редакторы были так снисходительны к избыточной спекулятивности и многословию ряда (надо признать, немногих) комментариев.

С сожалением отметим явный недостаток внимания к публикуемым текстам издательских редакторов и корректоров. Ничем иным невозможно объяснить отсутствие стандартного библиографического описания в ряде томов, что привело не только к разночтениям в оформлении их названия на титульной и конечной страницах, но и к появлению “Проблем творчества Достоевского” вместо “Проблем поэтики” в оглавлении шестого тома. Нельзя сказать, что речь идет о досадных мелочах, однако умалить того огромного значения, которое завершённое собрание сочинений имеет для современной гуманитарной науки, они, конечно же, не могут.

Очевидно, что издание собрания сочинений М. М. Бахтина – важнейшее событие в истории отечественной гуманитарной мысли последних десятилетий. Отечественные и зарубежные исследователи получили наконец беспрепятственный доступ практически ко всему наследию ученого, что позволяет дополнить и переосмыслить сделанное им и сформулировать новые решения задач, стоящих перед гуманитаристикой в свете интеллектуальных вызовов XXI столетия.

О.Е. Осовский

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бахтин М.М.* Собрание сочинений. М., Т. 1–6. 1996–2012.
Т. 1: Философская эстетика 1920-х годов. М., 2003. – 957 с.
2. “Проблемы творчества Достоевского, 1929. Статьи о Толстом. Записи курса лекций по истории русской литературы, 1922–1927. М., 2000. – 799 с.
3. Теория романа (1930–1961 гг.). 2012. – 880 с.
- 4 (1): “Франсуа Рабле в истории реализма” (1940 г.). Материалы к книге о Рабле (1930–1950-е гг.). Комментарии и приложения. М., 2008. – 1120 с.
- 4 (2): “Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса” (1965). “Рабле и Гоголь (Искусство слова и народная смеховая культура)” (1940, 1970). Комментарии и приложения. М., 2010. – 752 с.
- 5: Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М., 1997. – 732 с.
- 6: “Проблемы поэтики Достоевского”, 1963. Работы 1960-х –1970-х гг. М., 2002. – 800 с.
2. *Бахтин М.М.*: pro et contra, Т. 1–2. СПб., 2001–2002.
3. Михаил Михайлович Бахтин. М., 2010.
4. *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. 2-е изд. М., 1963; 3-е изд. М., 1972; 4-е изд. М., 1979.
5. *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965; 2-е изд. М., 1990.
6. *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М., 1975.
7. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979; 2-е изд. М., 1986.
8. *Осовский О.Е.* В зеркале “другого”: рецепция научного наследия М. М. Бахтина в англо-американском литературоведении 1960 – середины 1990-х годов. Саранск, 2003.
9. *Николаев Н.И.* Издание наследия М.М. Бахтина как филологическая проблема (две рецензии) // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1998. № 3. С. 114–115.
10. *Фуксон Л.* Время для диалога // Новый мир. 2012. № 8. С. 175–181.
11. *Осовский О.Е.* Бахтин вчера, сегодня, завтра: к завершению издания собрания сочинений М.М. Бахтина // Гуманитарные науки и образование. 2013. № 2. С. 101–106.
12. *Бахтин М.М.* Опыт изучения спроса колхозников // Советская торговля. 1934. № 3. С. 107–118.
13. *Бочаров С.Г.* Бахтин-филолог: книга о Достоевском // Вопросы литературы. 2006. № 2. С. 48–67.
14. *Попова И.Л.* Книга М. М. Бахтина о Франсуа Рабле и ее значение для теории литературы. М., 2009. – 464 с.
15. Ларокка Дж. Рец. на кн.: *Попова И.Л.* Книга М.М. Бахтина о Франсуа Рабле и ее значение для теории литературы (М., 2009) // Вопросы литературы. 2012. № 2. С. 488–491.

16. *Осовский О.Е.* Рец. на кн.: *Попова И.Л.* Книга М.М. Бахтина о Франсуа Рабле и ее значение для теории литературы (М., 2009) // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2012. № 2. С. 76–80.
17. *Осовский О.Е.* Человек. Слово. Роман. Саранск, 1993.
18. *Осовский О.Е.* Диалог в большом времени: литературоведческая концепция М.М. Бахтина. Саранск, 1997.
19. *Лотман Ю.М.* Письма. М., 1997.
20. *Томсон К.* Кризис в Калгари // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1997. № 4. С. 181–182.
21. *Hitchcock P.* The Bakhtin Centre and the State of the Archive: An Interview with David Shepherd // The South Atlantic quarterly. 1998. Vol. 97. № 3–4. P. 753–772.
22. *Осовский О.Е.* Пятый том Бахтина пришел к читателю первым // Бахтинский сборник. Саранск, 2000. Вып. 4. С. 142–146.